

кой) учит детей, полагая, что «выкорчевывать из сознания людей надо эксплуататорское и рабское» [5, 108]. Зося Творицкая (гр. Зоэ – жизнь) «всему свету помогала».

«Человек, если захочет, может себя переделать», - уверяет героиня Кузьмы Чорного Зося. И как ни трудно было Михалу Творицкому освободиться от собственнических взглядов и привычек, но жизнь помогла ему стать честным тружеником. «То, вокруг чего много лет подряд были сосредоточены все его мечты, оказалось никому не нужным. Люди не принимают того, что представлялось ему единственным спасением в жизни для него и его близких. Нет жадности, скупости, нет ненависти одного к другому. Люди не вгрызаются друг другу в горло, не бродят по мученическим дорогам босые и голодные...» [5, 221].

Вот и Соломон, обладая несметным богатством, счастье связывал именно с мудростью, а не с деньгами. Почему же мудрость ценнее, чем материальные блага? Соломон писал: «Мудрость дает защиту, как дают защиту деньги, но мудрость лучше любых денег, потому что может спасти своему владельцу жизнь» [Екклесиаст 7:12].

Деньги действительно дают некоторую защиту, на них можно купить то, что нам необходимо. Мудрость же оградит человека от того, что представляет опасность для его жизни. А такая мудрость позволяет обрести счастье, которое не купишь ни за какие деньги.

Прав был Сковорода, когда просил не искать счастья за морем и не просить его у человека. И права, по-своему, героиня Мамина-Сибиряка Софья Игнатьевна Ляховская, утверждавшая: «Не дурно быть богатым, но только не рабом своего богатства...» [4, 167]. Она как бы вторит римскому философу Сенеке, полагавшему, что *Pecuniae imperare oportet, non servire* (Деньгами надо управлять, а не служить им).

И нельзя с этим не согласиться! «Люди ошибаются, принимая богатство за счастье. Счастье не удержать золотыми цепями и не приманить бриллиантами. Оно живет в душе человека и не зависит от размеров его кошелька. К сожалению, люди часто не понимают этого. Но никто не может донести до них эту истину, потому что каждый постигает смысл жизни сам», - уверяет наша современница Тамара Крюкова в своем произведении «Волшебница с острова Гроз [3, 279].

Литература

1. Библия.
2. Из античной мудрости: Латинские пословицы и поговорки с русскими соответствиями/Авт.-сост. Н.А. Гончарова. – Мн.: Выш. шк., 2004. – 495 с.
3. Крюкова, Т. Волшебница с острова Гроз / Т. Крюкова. - М.: Аквилегия, 2008. – 349 с.
4. Мамин-Сибиряк, Д.Н. Приваловские миллионы / Д.Н. Мамин-Сибиряк. – Йошкар-Ола, 1980.- 383 с.
5. Чорный, К. Третье поколение (Перевод с белорусского. М. Шамбадала) / К. Чорный. – М., 1975.- 236 с.

T.P. Slesareva

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: slestp@yandex.ru

Happiness as an ethical category through the prism of the artistic works

Key words: ethics, happiness, wealth, artwork

In the article on the example of the works of multilingual authors, one of the topics reflected in the literature from the Bible to the present day - the devastating impact of money on the human personality and human relations is considered,

С.Р. Смирнов

Иркутский государственный университет
e-mail: srrisu@yandex.ru

УДК 882.09-4 Вампилов

«СОЛНЦЕ В АИСТОВОМ ГНЕЗДЕ» АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА (проблема жанровой специфики)

Ключевые слова: Вампилов, народный театр, жанровая трансформация, рассказ, очерк.

В статье анализируется жанровая трансформация очерка Александра Вампилова «Солнце в аистовом гнезде» в рассказ, прослеживаются специфика восприятия театрального искусства героем-ребенком, особенности поэтизации театра А. Вампиловым-журналистом и Вампиловым-прозаиком.

Рассказ Александра Вампилова «Солнце в аистовом гнезде» хорошо известен читателям и исследователям творчества всемирно известного драматурга. Это его единственное произведение, которое можно провести по разряду «детской литературы», а главное, это первая попытка осмыс-

лить природу театрального искусства через наивное восприятие неискушенного зрителя, каким является деревенский мальчик Витька.

Заметим, кстати, что уже зрелый А. Вампилов в последней незавершенной пьесе «Несравненный Наконечников» вернется к этому «наиву» через образ парикмахера, читающего на досуге детские книжки с картинками:

НАКОНЕЧНИКОВ. Что такое драматургия?

ЭДУАРДОВ. Привет! Ты бывал хоть раз в театре?

НАКОНЕЧНИКОВ. Был.

ЭДУАРДОВ. Что ты там видел?

НАКОНЕЧНИКОВ. Постановку... Какую – не помню...

ЭДУАРДОВ. Что такое постановка?

Наконечников молчит.

Ну хорошо. На сцене ты видел актеров. Что они там делают?

НАКОНЕЧНИКОВ. Показывают...

ЭДУАРДОВ. Что показывают?

НАКОНЕЧНИКОВ. Ходят, разговаривают... Один все молчал, а потом говорит: дальше, говорит, так жить нельзя, вы, говорит, не люди, а тушканчики, скучно, говорит. Я вас, говорит, в тюрьму пересажу и сам с вами сяду.

ЭДУАРДОВ. Так. Это драма.

НАКОНЕЧНИКОВ. А другую видел, там все больше смехом. И мужик веселый. Жену, говорит, вы у меня, конечно, отбили, сына, конечно, тоже увели, есть у вас, говорит, и другие недостатки, но теперь, говорит, дело прошлое, и в целом, говорит, вы все же люди неплохие. Поэтому, говорит, давайте все вместе будем веселиться.

ЭДУАРДОВ. А это комедия. И придумал все это и написал – автор, писатель, он же драматург – понятно тебе?

НАКОНЕЧНИКОВ (*вдруг*). А чего тут не понять? [2, 256].

Во всех биобиблиографических указателях местом первой публикацией рассказа «Солнце в аистовом гнезде» считается иркутская газета «Советская молодёжь», где тогда трудился будущий драматург. Дата публикации – 8 сентября 1963 г. Однако, как свидетельствует одноклассник и биограф А. Вампилова, писатель Андрей Румянцев, месяцем ранее, 7 августа 1963 года, в газете «Молодежь Бурятии» был под тем же названием напечатан очерк, который, вероятно, в силу труднодоступности источника не был включен ни в библиографические описания, ни в комментарии ко всем публикациям рассказа в сборниках. Более того, по свидетельству мемуаристки Галины Люкшиной, под несколько иным названием («Солнце село в аистово гнездо») это произведение А. Вампилова еще раньше публиковалось на страницах белорусской молодежной газеты «Знамя юности» [3; 7].

С осени 1961 г. А. Вампилов обучался в Москве на Высших журналистских курсах Центральной комсомольской школы. Именно оттуда он был направлен в апреле 1962 г. для прохождения практики в Белоруссию. Во время поездки в Могилевскую область и был собран материал для *газетного очерка* про выездной спектакль народного театра.

То есть в данном случае Вампилов-журналист «опередил» Вампилова-писателя.

А. Румянцев пишет: «Я подступил тогда к Сане:

– Дай что-нибудь для нас.

– Есть у меня один газетный материал, – ответил Вампилов. – Он может пойти как рассказ» [5, 96–97].

Очевидно, драматург уже заранее предвосхищал трансформацию жанра своего материала, которая произойдет через месяц в «каноническом» тексте. Мать драматурга, Анастасия Прокопьевна, говорила о том, что в рассказе, по её мнению, отразились детские воспоминания самого Вампилова. Однако А. Румянцев справедливо полагает, что это не противоречит его утверждению: «Создавая поначалу газетный очерк, Саня и в него постарался вложить своё – живущую с детства любовь к театру, к чудесам сцены...» [5, 97].

В очерке содержалась привязка к конкретным фактам (спектаклю народного театра) и месту действия – одному из сел Белоруссии – Корма-Пайки и соседним Новоельникам и Драготыни.

В тексте очерка (в отличие от рассказа) было упомянуто название спектакля, который показывает Краснопольский народный театр – «Левониха на орбите» и наименование театра. Однако подлинная фамилия режиссера и актера Лобановского оставлена и в окончательном варианте. Вероятно, таким же подлинным является и имя Ивана Григорьевича Велюги, учителя и артиста народного театра.

Можно с большой долей вероятности предположить, что журналист и начинающий драматург А. Вампилов вел переговоры с режиссёром имеющего славную традицию народного театра (его истоки восходят к 1918 г.) о возможной постановке своих одноактных пьес («Двадцать минут с ан-

гелом» и «Дом окнами в поле»). Кстати, последняя в 1964 г. будет напечатана в журнале «Театр» именно под рубрикой «Народный театр».

Пьеса «Левониха на орбите» принадлежит перу известного белорусского драматурга Андрея Макаёнка. В свое время его сатирические произведения («Камни в печени», «Затюканный апостол» и др.) пользовались определённым успехом у зрителя на фоне бесхитростной и унылой производственно-бесконфликтной «колхозной» и не только «колхозной» драматургии. Автор этих строк вспоминает спектакль Московского театра Сатиры по пьесе А. Макаёнка «Таблетку под язык», в котором ему посчастливилось увидеть актёрские работы легендарных Анатолия Папанова и Андрея Миронова, вложивших свой талант и дарование соответственно в роли сторожа деда Цыбульки и деревенского ловеласа Ивана Швеца.

...Попробуем, насколько это возможно, определить отношение начинающего драматурга Вампилова к увиденному им на сцене народного театра спектаклю.

Прежде всего, следует отметить, что всё, что связано со спектаклем, пропущено через наивное восприятие ребёнка, возраст которого нигде не обозначен, но, скорее всего, это дошкольник, «босоноготь» его и его товарищей подчёркнута дважды.

Примечателен экзотический для сельского мальчугана событийный ряд, в который вошло первое знакомство с театром – живой слон и поездка в поезде, а также ожидание чуда из незнакомого мира, противостоящее земной правде взрослых: «Солнце само по себе, земля сама по себе. Если бы солнце село на землю, то всё сгорело бы» [2, 73]. Поэтическая формула Александра Вампилова «Солнце в аистовом гнезде» очень хорошо «рифмуется» с другой знаменитой «формулой» писателя: «Мы бежали от заката».

Через «наив» ребенка трансформируется и реквизит спектакля. Декорации поначалу предстают в сугубо приземлённом виде, что особо подчеркивается сопутствующими «неживыми» реалиями («фанерный дом», «складной стог сена, целлофан, «свернутая в рулон лунная ночь»).

Мальчик продолжает наблюдать за оформлением спектакля вновь как бы из другого мира «через дырку в занавесе», слышит «таинственный как крик ночной птицы, стук».

Автор особо подчеркивает волнение актеров перед спектаклем и их ответственность перед неискушенными зрителями: «Артисты... метались в комнатухе за сценой: гримируются, с испуганными лицами бубнят роли» [2, 74].

И далее: «...артисты нервничали...

– А грим? А нюансы? – зароптали исполнительницы женских ролей» [Там же].

Явно автору, а не юному герою принадлежала полемическая сентенция: «Любопытно было в этом переполненном бревенчатом театре вспоминать разговоры о том, что театр отживает свой век» [Там же]. (В эпоху расцвета «оттепельного» кинематографа и зарождавшегося тогда в стране телевидения такие разговоры не были редкостью).

Пьеса А. Макаёнка, которую ставит приезжий народный театр, была написана в 1961 году и, вероятно, была рекомендована для исполнения самодеятельным художественным коллективам. Не исключено, что начинающий драматург с определённой ревностью отнесся к постановке пьесы, за которую в 1962 году Андрей Макаёнок был удостоен Литературной премии им. Янки Купалы. Содержание спектакля «Левониха на орбите», представленное через восприятие мальчика, сопровождается скрытой, но достаточно добродушной иронией Вампилова по отношению к произведению о лентяе-колхознике Левоне и его передовой жене Лушке, которая в конце пьесы выходит на депутатскую «орбиту». В эпоху первых полётов в космос этот термин звучал более чем актуально.

Впрочем, пьеса написана достаточно остроумно, Макаёнку удалось даже создать сатирический образ председателя райисполкома Глуздакова, которому, правда, противостоит секретарь обкома, названный лишь по имени-отчеству – Николай Сергеевич (пьеса была написана в разгар хрущёвской «оттепели» и мы не можем полностью исключить созвучие с именем тогдашнего главы партии и государства).

Заглавное событие – ожидаемое мальчиком чудо («солнце село в аистово гнездо») происходит в антракте между первым и вторым действием, причем, первое опять-таки увиденно героем из «другого мира – через окно сельского клуба.

Второе же действие описано из зрительного зала. Здесь спектакль наблюдают сидящие на полу у самой сцены «завороженные» герои: «Зал смеялся, зал сердился. Что же будет с этим пройдохой Левонимом? Что сделает Лушка? Левон ловчит, запирается, строчит доносы. Лушка не знает, что делать. – Бросай ты его! – вдруг советуют ей из средних рядов. – Ну его, сопатого, мучиться с ним! Припертый со всех сторон, Левон исправляется» [2, 75].

И наконец, авторское резюме: «Поучительную эту историю о несознательном колхознике Левоне закончили при свете электрических фонариков» [Там же].

Финал рассказа окончательно проясняет авторскую позицию: прекрасная природа, «строгий месяц и ... чистые звезды – самые совершенные декорации в самом большом, самом прекрасном, самом правдивом театре...

– Звезды приклеены к небу? – спросил Витька, пожиратель чудес. Он не спал» [Там же].

Прекрасная поэтическая «кода»! И впоследствии «просветленные» финалы произведений будут столь любимы уже Вампиловым-драматургом.

Литература

1. Александр Валентинович Вампилов : биобиблиогр. указ. / сост. Л. А. Казанцева – Иркутск : изд. Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ки им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2012. – 495 с.
2. Вампилов, А.В. Стечение обстоятельств : Рассказы и сцены; Фельетоны; Очерки и статьи; Из неоконченного и неопубликованного; О Вампилове / Сост. В. Г. Распутин; примеч. Б. Ротенфельда. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 448 с.
3. Люкшина, Г. «...И прости меня, и оправдай меня: История одной любви» // Наш современник. – 1999. – № 11. – С.140-153.
4. Мир Александра Вампилова : Жизнь. Творчество. Судьба : материалы к путеводителю / сост. Л. В. Иоффе, С. Р. Смирнов, В. В. Шерстов; вступ. ст. В. Я. Курбатова. – Иркутск : Издание ГП «Ирк. обл. тип. № 1», 2000. – 448 с., ил.
5. Румянцев, А. Г. Александр Вампилов: студенческие годы / А. Г. Румянцев. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. – 224 с.
6. Румянцев, А.Г. Вампилов / А.Г. Румянцев. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 332 с.
7. Румянцев, А. «Драматург на все времена...» О жизни и творчестве Александра Вампилова // Парус. – 2013 – 03.02 – №20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://litbook.ru/article/2974/> – Дата доступа : 07.02.2020.

S.R. Smirnov

Irkutsk State University
e-mail: ssrisu@yandex.ru

«Solntse v aistovom gnezde» by Alexander Vampilov (problem of genre specifics)

Key words: Vampilov, folk theater, genre transformation, short story, essay.

The article analyzes the genre transformation of Alexander Vampilov's essay «Solntse v aistovom gnezde» into a short story, traces the specifics of the perception of theatrical art by the hero-child, the peculiarities of the poetization of the theater by A. Vampilov-journalist and by Vampyllov-writer.

С.Э. Сомов

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова
e-mail: somov@msu.by

УДК 821.161.3(075.8)

БЕЛОРУССКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ В СВЕТЕ ХРИСТИАНСКОЙ АКСИОЛОГИИ (на материале ораторской прозы Георгия Конисского)

Ключевые слова: нравственный облик, город, деревня, грех, покаяние.

В статье анализируются церковные проповеди Белорусского архиепископа Георгия Конисского, посвященные нравственному облику города и деревни; вскрываются мировоззренческие корни морального абсолютизма Конисского, лежащие в плоскости христианской аксиологии.

Проблемы нравственного состояния общества и отдельного человека всегда находились в центре внимания Белорусского архиепископа Георгия Конисского (1717–1795). Даже его сугубо научные сочинения («Поэтика», «Философия») и художественные произведения («Воскресение мертвых», «Интерлюдии», стихи), не говоря уже о пастырском богословии («Окружная увещательная грамота», «О должностях пресвитеров приходских») имели воспитательную духовно-нравственную направленность и служили делу исправления всевозможных человеческих пороков. Однако непосредственно целям этического строительства посвящены его многочисленные церковные проповеди. В них детально изображается и анализируется морально-нравственное состояние белорусских городов и сел второй половины XVIII века.

Георгий познакомился с жизнью белорусов, когда был уже сравнительно немолодым человеком. Он родился в г. Нежине на Украине, получал образование в г. Киеве, где 15 лет учился в Киево-Могиланской академии, а затем 10 лет преподавал там же поэтику, философию и богословие. Родные места он покинул в 1755 г., когда состоялась его архиерейская хиротония в епископа Могилевского и Белорусского. Родину он оставил навсегда и большую часть своей жизни – 40 лет вплоть до кончины в 1795 году – он провел на белорусских землях в Могилеве. Таким образом белорусский Могилев стал его «второй родиной», о ней он заботился неустанно до самого конца. Причем главной заботой епископа было улучшение нравственного состояния паствы.

Описание белорусской земли и непосредственно Могилева мы встречаем во многих трудах Георгия (его донесениях в Синод, письмах, историографических сочинениях), однако наиболее ярко облик новой родины просветителя отражен в его ораторской прозе – словах.